

Хотеева Маргарита Сергеевна

СВЯЗЬ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И СОЦИОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ П. Л. ЛАВРОВА

В статье излагаются взгляды на религию русского философа П. Л. Лаврова. Дается анализ развития его представлений о влиянии религии на общественную жизнь. Рассматривается объяснение Лавровым различий между христианским и безрелигиозным нравственными идеалами, а также исследование им концепций "религиозного социализма" и "непротивления злу", популярных в последней трети XIX века на Западе и в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 193-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

В приведенной таблице прослеживается положительная динамика роста количества возводимой жилой площади в областях Южного Урала с 1946 по 1965 гг. Наименьшие показатели строительства жилья приходятся на четвертую пятилетку, период восстановления народного хозяйства, когда в основном возводились промышленные объекты. Положение меняется в последующие пятилетки. Так, больше всего жилья было построено в 7-й пятилетке. Например, в Челябинской области ввели в 4,1 раза больше жилья, чем в 4-й пятилетке.

Таким образом, в конце 1940-х - начале 1950-х гг. в СССР, и в том числе на Южном Урале, сложилась напряженная обстановка в сфере жилищного обеспечения. В 1950-1960-х годах государство осуществляло массовое строительство экономичных квартир. Острейшая проблема начала решаться. Быстрые темпы жилищного строительства позволили Советскому государству выйти на первое место в мире по темпам строительства и количеству вводимой в действие жилой площади. Справедливо критикуемые сейчас так называемые «хрущевки» - уже пройденный этап. Но в то время строительство этих пятиэтажек позволило начать массовое переселение миллионов людей в отдельные квартиры со всеми удобствами, и это было самым значительным результатом хрущевских реформ.

Список литературы

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1417. Оп. 2.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 846. Оп. 3.
3. Кузнецова С. В. Строительство на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н.: 07.00.02. Оренбург: ОГАУ, 2006. 23 с.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-485. Оп. 20.
5. Оренбургская область за 50 лет Советской власти: стат. сб. Челябинск: Юж.-Ур. кн. изд-во, 1967. 89 с.
6. Распопов В. П. Этажи созидания: опыт развития крупнопанельного домостроения в Нижнем Новгороде / В. П. Распопов, В. А. Кожин, А. А. Шевченко, А. Б. Силенко, Л. З. Стыкут. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1992. 144 с.
7. Стрелецкий Е. Жилищное строительство. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1961. 268 с.
8. Центральный государственный архив общественных отношений республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 122. Оп. 33.
9. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР: историко-социологическое исследование. М.: Мысль, 1970. 423 с.
10. Шутов К. М. Рожденные пятилеткой. М.: Статистика, 1972. 236 с.

HOUSING PROBLEM AGGRAVATION WITHIN SOUTH URAL AT THE BEGINNING OF THE 1950S

Rumiya Minnigalimovna Khairullina

Department of History, Methods of History and Social Studies Teaching
Orenburg State Pedagogical University
rh86@mail.ru

The author shows that the 50s of the XXth century were the time of major changes in social sphere in postwar history and those changes also included housing reform, mentions that during that period housing deficiency became a serious social problem and in connection with it the state headed for budget-priced, cost-cutting housing mass construction; and undertakes the attempt to reveal the housing crisis basic reasons at the beginning of the 1950s and to analyze the measures of its overcoming.

Key words and phrases: housing construction; housing problem; living area; cost-cutting apartment; standardized design; industrial methods; South Ural.

УДК 1(091)

В статье излагаются взгляды на религию русского философа П. Л. Лаврова. Дается анализ развития его представлений о влиянии религии на общественную жизнь. Рассматривается объяснение Лавровым различий между христианским и безрелигиозным нравственными идеалами, а также исследование им концепций «религиозного социализма» и «непротивления злу», популярных в последней трети XIX века на Западе и в России.

Ключевые слова и фразы: религия; религиозная вера; догматизм; критика; социальная справедливость; христианский идеал; нравственность.

Маргарита Сергеевна Хотеева, к. филос. н., доцент

Кафедра философии

Национальный исследовательский ядерный университет (МИФИ), г. Москва

ritahms@mail.ru

СВЯЗЬ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И СОЦИОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ П. Л. ЛАВРОВА®

П. Л. Лавров (1823-1900 гг.) – выдающийся русский мыслитель XIX века, представитель российского религиоведения, развиваемого революционными народниками. Его религиоведческие идеи интересны как

с точки зрения исследования истории религии, так и в качестве теоретического осмысления феномена религии, тесно связанного с социальной жизнью.

Первую половину жизни П. Л. Лавров провел в России, затем был сослан в Вологодскую губернию, откуда бежал в Европу и до конца дней оставался в вынужденной эмиграции. Лавров был знаком с идеями западно-европейского религиоведения, начиная с понимания религии древнегреческими мыслителями до современных ему исследователей-религиоведов.

Становление Лаврова как философа происходило в тесной взаимосвязи с развитием его политических убеждений, в основе которых лежат идеи социального и духовного освобождения, идеи равенства. Духовная свобода человека означает для него освобождение, в том числе, и от давления религиозных авторитетов, которые мешают личности объективно оценивать действительность. Поэтому борьба за духовную свободу имеет двойственный характер. Это и отстаивание общественных идеалов справедливости, и внутреннее укрепление личности.

Уже в ранних юношеских произведениях Лаврова можно обнаружить связь социального и религиозного свободомыслия. К концу 1840-х годов он отмечает несправедливость общественной жизни в России, осуждает крепостное право и связанное с ним унижение личности. Социальная и духовная свобода человека невозможны друг без друга. В 1855 году П. Л. Лавров написал стихотворение «Бессмертие». Не имея еще четкого, теоретически последовательного отношения к религии, он высказывает сомнения в справедливости веры в загробную жизнь. Представления о смерти и бессмертии у него созвучны с фейербаховскими, изложенными им в ранней работе «Мысли о смерти и бессмертии». Лавров переводит понимание вечной жизни из области потустороннего в сферу осознания ценности земного бытия.

«Путь имя погибнет, пусть память умрет,
Но слово и дело пойдет в век из века,
В грядущем оно отголосок найдет».
«Все в мире бессмертно, все в нем бесконечно,
Не знает ничтожества все, что живет...
Утешься же смертный: ты жить будешь вечно,
Ни слово, ни дело, ни мысль не умрет» [3, с. 47-48].

В данном стихотворении, а тем более в поздних религиоведческих работах, Лавров констатирует сложность решения проблемы о роли религии, которую она играла в обществе в разные периоды развития человеческой истории. Не отменяя ее общественного значения особенно в переходные эпохи, он пишет: «Я верую в вечность законов Природы...» [Там же, с. 49], демонстрируя тем самым антропологический подход в понимании сущности религии.

В последующих работах П. Л. Лавров продолжает исследовать значение религии для жизни и развития общества. В 60-е годы XIX века выходит его работа «Исторические письма», которая стала программным документом для либерально-демократической общественности России. Основная мысль этого произведения в том, что необходимо добиваться развития личности в умственном и нравственном плане, постепенно воплощать лучшие человеческие качества в форме истины в общественное устройство. Лавров уповает на торжество человеческого разума в процессе борьбы за осуществление высших идеалов. Биограф Лаврова Н. С. Русанов называет «Исторические письма» «евангелием молодежи всех 70-х годов» [9, с. 225].

Лавров понимает, что религия является важным компонентом общественной жизни. А поскольку вера – основной признак религии, он исследует данное понятие в «Исторических письмах». Для Лаврова вопрос о вере не является сугубо религиозным. Веру он трактует достаточно широко. Верить можно как ложным понятиям, так и истинным. Не отрицая решающего влияния религиозной веры на жизнь общества, особенно в ранние периоды его развития, он отмечает, что на современном этапе вера приобретает другой характер, поскольку наука играет в обществе определяющую роль. В пятнадцатом письме «Критика и вера» «Исторических писем» Лавров пишет: «Только вера, опирающаяся на строгую критику, может вести к прогрессу; только критика может определить цель, в которую развитой человек имеет право верить. Она опирается на строгую критику, на изучение реального человека в природе и в истории. Её основной догмат – человек» [6, с. 236-238].

Социально-политические взгляды П. Л. Лаврова и вопросы религиоведения, высказанные им в «Исторических письмах», получили дальнейшее развитие в произведениях, написанных им в эмиграции.

В марте 1870 года П. Л. Лавров прибыл в Париж. Он стал очевидцем революционной борьбы во Франции. Он видит в борьбе французов за становление республики воплощение на деле высших нравственных идеалов, изложенных им в «Исторических письмах». Через год была провозглашена Парижская Коммуна. В произведении «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года» Лавров излагает свои социальные воззрения. В этот период он вновь обращается к проблемам религии. Он пишет стихотворение «Рождение Мессии». Это стихотворение неоднократно перепечатывалось в сборниках вольнодумной русской поэзии, изданных за рубежом. В нем, опираясь на концепцию Фейербаха о религии как самоотчуждении собственных родовых качеств человеком, Лавров делает вывод о необходимости преодоления этого отчуждения. Переключить сознание человека на борьбу за социальное освобождение и достижение земного счастья – основная мысль стихотворения.

Встань, человек! Ты мертвый идол
Своей любовью оживил.
Ему свою ты силу придал,
Себя в Христе ты воплотил...

П. Л. Лавров высказал мысль о самоотчуждении человеческого духа вслед за Фейербахом. Данная установка в западном религиоведении отражена и в марксизме. В статье «К критике гегелевской философии права. Введение» К. Маркс подчеркивал: «Задачи истории, следовательно, с тех пор как исчезла правда потустороннего мира, - утвердить правду посюстороннего мира» [7, с. 415]. Эта идея о сверхъестественном как самоотчуждении человеческой сущности была популярна и у российских религиоведов. М. А. Бакунин в статье «Федерализм, социализм, антитеологизм» писал: «Религиозное небо было лишь миражем, в котором воспламененный верой человек находил своё собственное изображение, но увеличенное и отраженное, обожествленное» [5, с. 256].

Влияние общественной жизни на представления Лаврова о сущности и причинах религии проявилось, когда в 1873 году он начал издавать научно- публицистический журнал русской эмиграции «Вперед!». В первом номере журнала была опубликована статья Лаврова «Вперед! – Наша программа». Как следует из названия, статья носила программный характер и формулировала цели и задачи издания. Показательно то, что изучение вопросов, связанных с религией, воспринимается Лавровым как дело общественной важности. В то же время у философа появляется более резкое к ней отношение. Он употребляет такие выражения как «борьба против богословского миросозерцания», «борьба против всех идолов богословских» и т.д. Нужно отметить, что Лавров хорошо знал философские работы Л. Фейербаха, К. Маркса, Б. Бауэра. Он разделял их идеи о роли религии в обществе. К этому времени сформировалось его учение о четырех этапах развития истории, где он показывает, как постепенно от эпохи к эпохе развивается научное знание о мире, и утверждает, что на последней, четвертой, стадии религия и мифология полностью будут вытеснены наукой из сознания людей. Он пишет: «Для нас в настоящую минуту существуют две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции. Это, во-первых, борьба реального миросозерцания против миросозерцания богословского, - короче говоря, науки против религии. Это, во-вторых, борьба против праздного пользования благами жизни, борьба рабочего против классов, его эксплуатирующих, - короче говоря, борьба за реализацию справедливейшего строя общества» [10, с. 24-25].

В дальнейшем на страницах журнала появятся исследовательские работы Лаврова по религиоведению. И как публицист, и как теоретик он постоянно возвращался к этой проблеме в разных ее аспектах. Как философ, П. Л. Лавров взял на себя труд осмыслить действительность и предложить способы ее преобразования через духовное освобождение и развитие человека. «В небольших прогрессивных явлениях мы постараемся указать возможность делать из них почву дальнейшего прогресса. Для широких идей будущего мы постараемся указать возможные средства в жалком строе настоящего» [Там же, с. 25].

Лавров понимал революцию скорее как процесс духовный, нежели политический. Он утверждал, что революция уже идет, совершается в сознании человека, проявляется в каждом акте свободы духа. Сам факт перехода власти от одного класса к другому не есть цель, а неизбежный результат морального преобразования сознания личности. Не все соотечественники, российские мыслители, были согласны с такой позицией Лаврова. Концепция революции в умах, как главного условия достижения социальной справедливости, вызвала возражения у М. А. Бакунина и даже у П. Н. Ткачева. В брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» Ткачев писал: «Ваша революция есть не что иное, как утопический путь мирного прогресса. Вы обманываете и себя, и читателя, заменяя слово прогресс словом революция» [4, с. 64].

Таким образом, свобода духовная, по Лаврову, определяет все другие формы свободы, определяет и тактику борьбы за переустройство общественной жизни, где не последнее место занимает критическое отношение к религии как форме мысли. «Религиозный, церковный, догматический элемент нам безусловно враждебен. Мы опираемся на критику, стремимся к торжеству реальной мысли, к удовлетворению реальных потребностей. Между нами и различными сектами, опирающимися на откровение или на идеалистическую метафизику, нет ничего общего. Принцип сверхъестественного, мистического мы не признаем ни в одном из его оттенков» [2, с. 25]. Он продолжает: «из двух исторических задач современности» (борьба против духовного угнетения и борьба за социальную справедливость) «решение первой продвинуто вперед», и что «для России эта задача имеет мало значения». На эту мысль обращает внимание В. Ф. Антонов в работе «Революционное творчество П. Л. Лаврова».

Категоричное заявление автора программы журнала «Вперед!», с одной стороны, четко характеризует его позицию по отношению к религии. Но, с другой, кажется не совсем понятным утверждение, что для России борьба с религиозной идеологией не имеет большого значения. Рассуждать так Лавров мог по двум причинам. Во-первых, религия не есть для него непреодолимое общественное явление. Она должна естественным образом сойти с исторической сцены в качестве формы познания мира, и это всего лишь вопрос времени. Лавров остается здесь на просветительских позициях. В работе «Антропоморфизм и антропатизм» он высказывает мысль, что человечество вступило в эпоху, когда религиозная форма мысли, бывшая ранее единственно возможной, утратила свою актуальность. Лавров полагает, что наука и знание продвинулись далеко вперед, передовая часть человечества (мыслители) осознала их приоритет, это понимание постепенно станет всеобщим.

Во-вторых, такое отношение к религии, применительно к России, было распространено среди народников 60-70-х годов. Они считали, что религиозность не присуща русскому народу в такой степени, как, например, населению католической Европы или жителям государств, исповедующих ислам. Многие философы подчеркивали, что религиозность русского человека является чисто внешней, обрядовой. Так, Н. А. Добролюбов в рецензии «Заграничные прения о положении русского духовенства» на сборник «Русское духовенство» писал: «...а можно ли сказать, чтобы они (русские крестьяне) очень уважали священников и причетников? Стоит послушать сказки народа и заметить, какая там роль дается попу, попадье, поповской дочери и попову

работнику..., чтобы понять, что тут уважения никакого не сохранилось» [8, с. 157]. Добролюбов основывает свое мнение не только на сказке А. С. Пушкина, но и на отзывах священников о своем положении. Он отмечает, что сборник «Русское духовенство» преисполнен жалоб священнослужителей, особенно сельских, на свое положение – неуважение народа, с одной стороны, и презрительно-высокомерное отношение помещиков и чиновничества, с другой. Как пример Добролюбов приводит статью священника Грекова «О духовном звании в России». Священник пишет: «Неуважение к священному сану так развито у светских людей, что каждый, даже мелкий чиновник, один из тех, о которых кто-то из поэтов написал: “Коллежский регистратор – почтовой станции диктатор”, считает себя не только выше священника, но и прямо требует от него подобострастного уважения, а господ познатнее, в особенности помещики, играют нами как шашками» [Там же].

И Добролюбов не был новатором в этом вопросе. Другие представители народничества в России также отстаивали мнение о слабой религиозности народа. В. Г. Белинский в письме к Гоголю от 3 июля 1847 года писал: «...неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и у русского народа?» [2, с. 215].

Очевидно, что Лавров разделял такую точку зрения. Это дает основание предположить, что второстепенность проблемы религиозности и ее преодоления обусловлена представлениями философа об ослабленной набожности русского человека, склонности к обрядоверию, а не к вере.

В «Предисловии» к работе К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» Лавров повторил эту мысль, что для России преодоление религиозного мировоззрения не столь актуально. «Положение о «критике религии» как «первой посылке всякой критики», вполне справедливое для протестантских стран, видоизменялось для Руси в том смысле, что религиозный строй русского общества оставался еще более «ниже критики», чем русское самодержавие. Православие было и осталось учением обрядности, вовсе не влияя на строй мысли человека и на воплощение этой мысли в жизнь» [6, с. 610].

Из сочинений П. Л. Лаврова видно, что философ тщательно анализирует общественную жизнь России в ее религиозном, научном, нравственном, политическом аспектах. Так, в слабом влиянии православия на общественную жизнь он видит высокий уровень развития критической мысли в России «в ее прогрессивных стремлениях». Он пишет, что прогрессивная мысль все более и более отделяется от православия, «мешающего исторической жизни», что означает развитие стадий осмысления мира от мифологической к научной. Поэтому для морально и физически угнетенной России важнее решение социальных вопросов. Но, тем не менее, связь между двумя вопросами существует, поэтому, указывая на второстепенность религиозного вопроса по отношению к социальному, Лавров говорит о нем в программе журнала.

Анализируя взгляды Лаврова на религию, хочется обратить внимание на бескомпромиссную мировоззренческую позицию самого философа. Даже когда речь шла об отстаивании социальной справедливости, он не допускал мысли привлечь религию для решения практических задач. Многие революционные демократы придерживались противоположного мнения. В последней трети XIX века была популярна теория «религиозного социализма». На страницах издания Лавров резко критиковал позицию «религиозных социалистов» - Сен-Симона, Вейтлинга, Кабэ, Консидерана, Вельгарделя, пытавшихся найти в христианстве истоки современных представлений о социальной справедливости. Они стремились использовать религию в борьбе за улучшение общественного положения. Речь идет о работах Лаврова «Религиозные социалисты», «Социализм и историческое христианство», «Христианский идеал перед судом социализма», напечатанных в журнале «Вперед!». Он четко разделял религиозные и социалистические идеи, даже когда тактика политической борьбы требовала не акцентировать внимание на религиозных проблемах. Напротив, М. А. Бакунин в работе «Государственность и анархия» писал: «Так как мы сами враги всякого религиозного верования и материалисты, всякий раз, когда нам приходится говорить о вере с народом, мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу более, наше враждебное отношение к религии.... Но мы не должны искать случаев к подобным разговорам. Мы не должны ставить религиозный вопрос на первый план нашей пропаганды в народе» [1, с. 48]. Лавров, в отличие от Бакунина, не разрывал вопросы мировоззрения и тактики.

В журнале «Вперед!», а затем в газете с тем же названием Лавров, вопреки собственному замечанию о том, что «нам лишь изредка придется касаться важнейших завоеваний, сделанных наукой в ее борьбе с религиозным преданием» [5, с. 25], часто обращался к религиозно-философским вопросам. Им посвящены публицистические статьи, письма, научные исследования и диалог «Кому принадлежит будущее?», в котором дал свое понимание проблем взаимоотношений государства, капитала, науки, религии, искусства.

Другие публикации затрагивают политические аспекты религиозной жизни России. Лавров знакомит читателей с положением церковных дел на местах, говорит о притеснении религиозных меньшинств, о деятельности священнослужителей.

К научным публикациям Лаврова относятся работа «Из истории социальных учений», глава которой «Религиозные социалисты» посвящена рассмотрению христианских общин, проблеме равенства в них, и статья «Хаос буржуазной цивилизации за последнее время», где исследуются вопросы о государственной религии, веротерпимости, о различии социалистического и христианского идеалов, об отношении религии к прогрессу.

Итак, даже когда Лавров был всецело поглощен политическими проблемами, вопросы религии оставались в центре его научного интереса.

В 1876 году П. Л. Лавров перестал быть главным редактором журнала «Вперед!», а в 1881 году получил предложение от Исполнительного комитета «Народной воли» возглавить заграничный печатный орган этой организации. Он согласился стать редактором журнала «Вестник Народной воли».

С 1881 года выходят в свет несколько серьезных теоретических статей П. Л. Лаврова – «Социальная революция и задачи нравственности», «Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого)», а также «Предисловие (к работе К. Маркса “К критике гегелевской философии права. Введение”»).

В религиозно-философском аспекте творчества Лаврова особый интерес представляет публикация «Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого)». Она была написана в связи с появлением популярной в 80-е годы среди русской молодежи теории «непротивления злу», проповедовавшей смирение и видевшей общественный идеал в гармонии всех классов и социальных групп. В основе этой теории лежит христианское этическое учение. Лавров критикует статьи Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» и «Что нам делать?», где Толстой противопоставляет церкви учение Христа. По утверждению Толстого, это учение приведет к всеобщему счастью, и «он аргументирует в пользу всеобщего счастья, долженствующего следовать за осуществлением в мире его учения, которое он называет учением Христа» [6, с. 542]. Лавров не соглашается с утверждением Толстого о том, что в мире не существует никакой другой этики, кроме христианской, несет в себе подлинную нравственность. «То, что называется этикой – нравственным учением, – пишет Лавров, – совершенно исчезло в нашем псевдохристианском обществе» [Там же]. Лавров не согласен с подобным пониманием нравственности. В этой работе, а также в произведении «Социальная революция и задачи нравственности» он утверждает, что есть другая истина, а следовательно, и другая мораль. Она заключается в том, что социальная гармония не может утвердиться самостоятельно. Общественную справедливость нужно завоевать, для искоренения социального зла нужно применять насилие, разумное, вынужденное, но, тем не менее, насилие. Лавров считает, что пассивное ожидание восстановления нравственного миропорядка бессмысленно, необходима борьба, даже если она несет в себе насилие.

Продолжая философский анализ учения Л. Н. Толстого о «непротивлении злу», Лавров отмечает, что само это понятие невозможно, поскольку нельзя однозначно определить, что является злом, а что нет. Нельзя также установить границы человеческого поступка или действия, за которыми добро превращается во зло. Философ приходит к мысли, что бездействие в отношении зла может привести к еще большему злу. Лавров на примерах показывает, что разумное насилие останавливает еще большее насилие. Он задается вопросом: «Когда я вырываю у человека из рук нож, которым он хотел зарезаться или зарезать другого, я совершаю насилие?» [Там же, с. 553]. Вопрос о насилии Лавров решает однозначно – разумное насилие не противоречит нравственности. А в социальном аспекте учение о «непротивлении злу» недействительно, поскольку оно умозрительно и не опирается на жизненные реалии, так как идеализирует человеческую природу и игнорирует естественные побуждения человека – бороться против зла и несправедливости, в том числе и в общественной жизни.

В заключение нужно отметить, что для П. Л. Лаврова проблемы религии оставались главными в его творчестве. Он исследовал их в тесной взаимосвязи с обществом. Политическое, научное, социальное развитие невозможно понять, игнорируя религию как неотъемлемую часть жизни человека и общества.

Список литературы

1. Бакунин М. А. Государственность и анархия // Революционное народничество 70-х годов. М.: Наука, 1964. Т. 1.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 10.
3. Встань, человек! М., 1986.
4. Добролюбов Н. А. О религии и церкви. М., 1960.
5. Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8-ми т. М., 1934. Т. 2.
6. Лавров П. Л. Философия и социология. М.: Мысль, 1965. Т. 2.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1.
8. Революционное народничество 70-х годов. М.: Наука, 1964. Т. 1.
9. Русанов Н. С. Социалисты Запада и России. СПб., 1909.
10. Ткачев П. Н. Избранные сочинения. М., 1932. Т. 3.

RELIGIOUS STUDIES AND SOCIOLOGY CONNECTION IN P. L. LAVROV'S PHILOSOPHY

Margarita Sergeevna Khoteeva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Department of Philosophy

National Research Nuclear University "MEPhI" in Moscow

ritahms@mail.ru

The author presents the Russian philosopher P. L. Lavrov's views on religion, analyzes the development of his ideas about religion influence on social life, and considers Lavrov's explanation of the differences between Christian and non-religious moral ideals and his study of the conceptions "religious socialism" and "non-resistance to evil", popular in the last third of the XIXth century in the West and in Russia.

Key words and phrases: religion; religious faith; dogmatism; criticism; social justice; Christian ideal; morality.